

h-93

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

Г. Л. КУРБАТОВ

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД (IV—VI вв.)

**(Антиохия IV—VI вв. и основные проблемы
внутреннего развития города)**

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук*

Работа выполнена в 1958—1965 гг. на историческом факультете Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова.

Защита состоится « 16 » июня 1966 г. на заседании исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. (Ленинград, Университетская наб., 7/9).

Автореферат разослан « 14 » мая 1966 г.

Одной из важнейших особенностей Византии была большая роль города в ее историческом развитии. Сохранением в Византии городов в эпоху перехода от рабовладения к феодализму объясняли и объясняют не только многие особенности византийского феодализма, но и, связанной с этим обстоятельством спецификой развития византийского феодального города, в какой-то мере даже причины падения Византии. Все это привлекает особое внимание к проблемам развития византийского города в период перехода от рабовладения к феодализму, проблеме континуитета, степени сохранения городов и характера и содержания преемственности в развитии рабовладельческого и феодального города в Византии (Ф. Дельгер, Е. Кирстен, Г. Острогорский, М. Я. Сюзюмов, Е. Э. Липшиц, А. П. Каждан, Д. Закитинос, С. Врионис и др.). Для выяснения этих вопросов, наряду с изучением судеб города в VII—VIII вв. — «темные века» византийской истории (в связи с ограниченностью материала по этому периоду) большое значение приобретает изучение развития города в IV—VI вв., выяснение того, что же представлял собой византийский город к VII в.

Это особенно необходимо в связи с тем, что ранневизантийский город IV—VI вв. рассматривался в историографии обобщенно, в целом, преимущественно с точки зрения выяснения его «византийской» специфики. Различия в развитии крупных и мелких городов не привлекали особого внимания исследователей. Может быть именно поэтому период IV—VI вв. считался и по традиции до сих пор считается многими исследователями как период стабильного благополучия города. Не только в западноевропейской, но и в советской историографии ранневизантийский город IV—VI вв. в течение долгого времени рассматривался как «неизменный».¹ Все

¹ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВИ., 1958, № 10, стр. 88.

это не располагало к тщательному изучению внутреннего развития города, тех изменений, которые происходили в его строе в IV—VI вв. Надо сказать, что такой подход к ранневизантийскому городу сохранился у многих западноевропейских исследователей. Преобладающим является мнение, что ранневизантийский город оставался неизменным и благоденствовал до конца VI в. и что его процветание было прервано внешними причинами — варварскими вторжениями и обострением национально-религиозных противоречий, а те изменения, которые происходили в нем, были преимущественно результатом политики императорской власти (Е. Штейн, А. Пиганиоль, Л. Брейе и др.). Проблема изучения развития ранневизантийского города в связи с эволюцией социально-экономических отношений все еще стоит перед исследователями.

Одной из особенностей изучения ранневизантийского города является и то, что до недавнего времени он изучался преимущественно как центр товарного производства, ремесла и торговли. Имела место известная переоценка его торгово-ремесленного значения. Многочисленные исследования в этой области и особенно в советской историографии — работы М. В. Левченко, Н. В. Пигулевской, Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмова, З. В. Удальцовой, А. П. Каждана и др. — вскрыли многие важнейшие особенности социально-экономических отношений в ранневизантийском городе, социальной борьбы в нем. Изучение развития ремесла, торговли, товарного производства весьма полно осветило эту сторону развития ранневизантийского города. На этих материалах сложилась известная теория М. Я. Сюзюмова о городах-эмпориях, объяснившая сохранение крупных центров ремесла и торговли в Византии в эпоху раннего феодализма.² Большое значение для изучения ранневизантийского города, его специфики имеют труды Н. В. Пигулевской по ближневосточному городу, городам Ирана.³

Прогресс в изучении города как центра товарного производства и в исследовании аграрных отношений в настоящее время все более остро ставит вопрос о необходимости комплексного подхода к изучению города, товарного производства и аграрных отношений. Не случайно проблема «город и

² М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. ВВ. VIII, 1956, стр. 26—41 и др.

³ Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Л., 1940; Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1948; Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951; Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956 и др.

деревня» в Византии была выдвинута в качестве главной подлежащей разработке на одном из последних византиноведческих конгрессов.

Исследования последних лет все более явственно свидетельствуют против недооценки изучения аграрной основы ранневизантийского города. Работы О. В. Кудрявцева и Е. М. Штаерман по социально-экономическому строю различных областей Римской империи I—III вв. убедительно показали, что и в период ранней империи город продолжал оставаться в основе своей античным полисом, городом, «основанным на земельной собственности и земледелии»,⁴ основной единицей античного мира, приходившей в упадок и разлагавшейся вместе с разложением рабовладельческих отношений.⁵ Все это дало основания и к ранневизантийскому городу IV—VI вв. подойти как к античному полису, поставить вопрос о том, что под разложением рабовладельческого города в Византии следует понимать его разложение как античного полиса, отрицание основных черт его полисной социально-экономической структуры, ломку «основного устоя рабовладельческого общества — античного полиса». Эта проблема была поставлена М. Я. Сюзюмовым⁶ и выяснение того, «в чем состояла эта ломка, когда она совершилась», было поставлено в качестве задачи «первостепенной важности в нашей историографии».⁷

Наши первые работы в этой области, показавшие значение античных полисных основ в жизни ранневизантийского города IV в.,⁸ убедили нас в важности исследования внутренней эволюции этой основной общественной ячейки рабовладельческого общества в IV—VII вв., разложение ранневизантийского города как античного полиса, которое, с нашей точки зрения, для изучения упадка рабовладельческих отношений имеет не меньшее значение, чем изучение формирования поместья в эпоху становления феодализма.

⁴ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Партиздат, 1940, стр. 13—14.

⁵ О. В. Кудрявцев. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954; Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.

⁶ М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в. УЗ Уральск. гос. ун-та, вып. XI, 1952, стр. 124.

⁷ З. В. Удальцова, А. П. Каждан, ук. соч., стр. 88.

⁸ Г. Л. Курбатов. Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи IV в. Вестник ЛГУ, 1960, № 2.

Сложность изучения города как античного полиса связана с необходимостью исследования чрезвычайно широкого круга проблем — аграрных отношений, товарного производства, социальных отношений, политической борьбы в городе — совсем под иным углом зрения, чем они обычно рассматриваются в историографии, в их связи с эволюцией города как античного полиса. И если многие общие и хорошо известные данные источников неплохо характеризуют те или иные отношения вообще, то их конкретная связь с теми или иными процессами внутреннего развития города зачастую оказывается трудноуловимой. Все это, а также отрывочность, фрагментарность сведений по большинству из городов, и побудило нас положить в основу изучения основных принципиальных процессов внутреннего развития ранневизантийского города материал одного из городов, жизнь которого и его округа в IV—VI вв. наиболее полно освещена источниками, а специфика — легкоуловима — Антиохии.

Богатейший материал письменных источников по этому городу — произведения Либания, Иоанна Златоуста, Юлиана, Феодорита Киррского, Малалы, Прокопия, Евагрия и многих других, данные агиографии существенно дополняются опубликованными материалами многолетних раскопок в самой Антиохии и ряде соседних центров, археологического изучения ее округа, в частности, опубликованными в последние годы Ж. Чаленко.⁹

В своей совокупности этот материал дает возможность выявить основные черты упадка в IV—VI вв. не только такого крупного центра как Антиохия, но и, что не менее важно, многих связанных с нею мелких городов, мелких полисов. Для выяснения общих закономерностей автор, учитывая известную специфику Северной Сирии, использовал данные других городов и законодательства.

Задачи работы определил и характер ее построения. Диссертация состоит из введения, включающего в себя историографический обзор, обзор основных источников, пяти глав: I — Эволюция аграрных отношений города в IV—VI вв.; II — Развитие экономики города в IV—VI вв., III — Эволюция социальных отношений в городе; IV — Политическая борьба в городе; V — Эволюция муниципального строя в IV—VI вв. и заключения.

⁹ G. Tchalenko. Villages antiques de la Syrie du Nord. La région du Bélus à l'époque romaine. Paris, 1953—55.

Данные Ж. Чаленко вновь подтвердили правильность мнения о том, что римское завоевание привело к известному укреплению рабовладельческих отношений, среднего городского, муниципального землевладения в восточных провинциях, что нашло свое выражение в увеличении числа средних рабовладельческих вилл с развитым господским хозяйством в I—II вв. В IV же — VI вв. наблюдается процесс массового упадка и исчезновения этих средних рабовладельческих хозяйств (целиком совпадающий с описаниями упадка муниципального землевладения в письменных источниках), процесс усиливающегося хозяйственного дробления средних и крупных имений. Появление на их территории многочисленных деревень, самостоятельных хозяйств земледельцев свидетельствует об укреплении мелкого хозяйства, об упадке старых рабовладельческих хозяйств. Однако мнение Чаленко о том, что эти мелкие хозяйства были хозяйствами мелких земельных собственников, нам не представляется убедительным. Наоборот, письменные источники единодушно свидетельствуют о росте крупной земельной собственности, и, судя по ним, хозяйственное дробление имений было не столько связано с развитием мелкокрестьянской собственности, сколько с переходом, концентрацией земли в руках крупных собственников. Аэрофотосъемками были зафиксированы границы огромных владений VI—VII вв. с десятками разбросанных на них деревень. По-видимому, упадок рабства и связанного с ним городского муниципального землевладения облегчил, с одной стороны, дальнейшее развитие колоната, а с другой, — крупной земельной собственности. Вероятно, укрепление мелкого хозяйства обеспечило известный подъем сельского производства в IV—V вв. Однако можно ли считать, что развитие непрерывно шло по линии укрепления владельческих прав колонов, их постепенного превращения в феодально-зависимых крепостных? Для этого у нас нет достаточных оснований.

По мнению Ж. Чаленко и других исследователей, известный подъем сельского хозяйства, «процветание» было прервано только варварскими вторжениями. Однако многие данные свидетельствуют о том, что процесс укрепления мелкого хозяйства, наблюдаемый в IV—V вв., уже в этом столетии не получил дальнейшего развития. Мы можем предполагать, что он был приостановлен ростом поборов крупных землевладель-

цев, налогового гнета, что привело ко все более заметному с конца V в. сужению прав собственности и владельческих прав колоннов, сокращению прослойки мелких земельных собственников. Источники свидетельствуют об увеличении в VI в. числа адскриптицев. По-видимому, прогрессивные тенденции колоната не получили должного развития, были задержаны, что воспрепятствовало его перерастанию в феодальную зависимость. Этим объясняется явно усиливающийся с конца V в. упадок сельского хозяйства, нарастание борьбы сельского зависимого и свободного населения, что привело не только к мощным крестьянским движениям VI в., но и к потере восточных провинций.

Во всяком случае законодательство Юстиниана свидетельствует о растущем захвате крестьянской собственности динамитами, а после него этот процесс, по-видимому, пошел еще более быстро.¹⁰ Археологический материал Северной Сирии свидетельствует и о быстрым росте во второй половине VI в. церковно-монастырского землевладения.

Данные об изменении в хозяйственной жизни деревни, упадке средних рабовладельческих хозяйств целиком совпадают с сообщениями авторов об упадке муниципального землевладения. В последние годы становится все более очевидным, что для времени до IV в. не приходится недооценивать значения в жизни города городской земельной собственности, муниципального землевладения. В начале IV в. земельная собственность Антиохии была огромна, хотя в нарративных источниках ее значение завуалировано тем, что большая ее часть находилась в руках муниципальной аристократии, средних городских землевладельцев-куриалов. Земельная собственность последних, не считая мелкой собственности граждан и подвластных городу свободных крестьян городской округи, была также очень велика. 600 куриалов Антиохии в начале IV в. были обладателями одного — трех имений каждый, т. е. не менее 1000 средних имений было в округе Антиохии.

Как городская земельная собственность, так и земли средних и мелких городских землевладельцев в IV—VI вв. переходят преимущественно в руки независимых от города, городской общины крупных светских собственников и церкви. С обеднением свободного крестьянства и развитием патроната сокращалась подвластная городу сельская территория античного полиса. К концу VI—началу VII вв. размеры под-

¹⁰ Ср. И. Ф. Фихман. К вопросу о трех фазах развития египетских патрониев. ВДИ, 1966, № 1, стр. 112.

властной городской организации территории были уже ничтожны. «Поля — опора городов» окончательно ушли из под власти городской общины, города.

Так, в Византии в течение IV—VI вв., происходит и в основном завершается процесс разложения аграрной основы античного рабовладельческого города. Сельская округа стала независимой от города.

Разрыв непосредственной связи земельной собственности, землевладения с городом, процесс отделения его от города, развитие и укрепление независимого землевладения был необходимой предпосылкой, необходимым предварительным условием, подготавливающим и открывающим перспективы феодального развития.

Отношения города с его сельской округой, его бывшей территорией, строились уже на совершенно новой основе. Город, городская организация уже не имела непосредственного отношения к земельной собственности, землевладению. Город перестал быть прямым эксплуататором деревни и основным организатором эксплуатации сельской округи, основным посредником между земельными собственниками и государством.

Разложение рабовладельческих отношений ликвидировало необходимость существования городской гражданской общины как коллектива землевладельцев-рабовладельцев, обеспечивавшего эксплуатацию деревни и поддержание рабовладельческих отношений.

Данные Антиохии дают возможность составить известное представление и об еще систематически не изученной эволюции товарных отношений деревни и города.¹¹ Они показывают, что распространенные до IV в. имения муниципальных землевладельцев с развитым господским хозяйством были более тесно связаны с городом, городским рынком не только по линии сбыта продуктов сельского хозяйства, но и по линии приобретения необходимых ремесленных изделий. Наличие значительного господского хозяйства предполагало большую централизованность снабжения имения, большие возможности использования городского рынка. В IV—VI вв. сокращение прослойки зажиточных крестьян бесспорно сужало их связь с городом, городским рынком. Хозяйственное дробление имений способствовало укреплению хозяйственной самостоятельности земледельцев, в большей мере на них самих возла-

¹¹ Н. В. Пигулевская. Город и деревня в Византии в IV—VI вв. Belgrad—Ochride. 1961, стр. 1.

гало задачу собственного снабжения орудиями и ремесленными изделиями. Все это благоприятствовало развитию местного деревенского производства в больших свободных деревнях (κῶμαι μεγάλαι), поселках, усилению обмена между ними. Деревенское производство по ряду данных в IV—VI вв. имело тенденцию к укреплению и, соответственно, сокращало спрос крестьян на городском рынке. Материал Северной Сирии не подтверждает правильности выводов. С. Рэнсимена о том, что «деревня зависела от города в большей части своего снабжения».¹² Почти все изделия, найденные при раскопках сирийских деревень — местного, деревенского производства, хотя и нередко сделанные по городским образцам. У нас нет оснований переоценивать в этом отношении значение товарных связей деревни, крестьянства с городом. Материал Антиохии показывает, что крестьянская торговля в городе с конца IV в. приобретала все более вынужденный характер. Крестьяне продавали свои продукты, ничего не покупая взамен, а вырученные деньги шли на уплату подати, долгов землевладельцам, платежей патронам (Liban., Orat. L; XLVII).¹³

Обеднение и закабаление свободных крестьян и колоннов, усилившиеся со второй половины V в., по-видимому, еще более ограничило их покупательные способности на городском рынке и заставляло все более ориентироваться на рынок деревни.

Одновременно с этим мы не можем не учитывать и известного развития элементов собственного производства в крупных поместьях и монастырях, происходившего в IV—VI вв.

Оживление местных торгов и ярмарок, рынка большой деревни, крупных селений, как центров местного производства и обмена, свидетельствует, с нашей точки зрения, о падении значения городского производства и рынка для округи. Сеть взаимосвязанных между собой обменом торговых селений, поместий, монастырей все меньше нуждалась в рынке небольшого города.

Без учета этой эволюции нельзя рассматривать судьбы мелкого ранневизантийского города, античного полиса, который был не столько центром товарного производства, сколько объединением местных землевладельцев, концентрация которых благоприятствовала развитию городского производства.

¹² S. Runcimen. Byzantine trade and industry. The Cambridge Economic History of Europe, vol. II. Cambr. 1952, p. 86.

¹³ Libanii Opera, rec. R. Foerster, v. I—XI, Lipsiae, 1902—1923 (далее Liban.).

Муниципальное землевладение было основой стабильности полисного рынка.

С обеднением массы мелких рабовладельцев и имущего свободного населения основой поддержания экономической жизни полиса становились средние городские рабовладельцы и землевладельцы-куриалы — основные заказчики и покупатели на городском рынке как для себя, так и для города. С обеднением же и упадком в IV—VI вв. средних муниципальных землевладельцев, приходили в упадок и эти мелкие города.¹⁴ Такая картина была характерна для большинства мелких центров, окружавших Антиохию — Кирр, Верии, Палта, Баланей, Зевгмы, Самосаты, Александрии (Александретты) и др., судя по письмам Либания и Феодорита Киррского и археологическим данным. В этих полисах, как это видно на примере Кирр, угасала городская жизнь, беднело, нищало и стекалось в более крупные города, куда переселялись и крупные собственники, их торгово-ремесленное население. Во второй половине V в. они утрачивают многие элементы городского благоустройства. Выгодное стратегическое положение Кирр побудило Юстиниана превратить их в крепость, и с падением религиозно-церковного значения они окончательно превращаются в небольшую крепостицу, упоминаемую в качестве таковой в арабских источниках.

Эволюция Кирр, по-видимому, была естественной эволюцией основной массы античных полисов, благополучно существовавших в I—II вв., начавших приходить в упадок с конца II в. в связи с разложением рабовладельческих отношений. Они пострадали в III в. и затем в IV—V вв. постепенно угасали с упадком античного городского строя.

О том, что Кирры не были исключением и мы имеем дело с массовым упадком и исчезновением мелких античных полисов, свидетельствуют данные о нарастающем сокращении числа городских общин в течение II—VI вв. К VI в. число их в Малой Азии сократилось с 500 до 330, в Македонии со 130 до 60, в Греции — вдвое и более, в Дакии Гиерокл насчитывал всего 21 город, во Фракии — 55. Процесс массового упадка мелких полисов протекал в III—V вв. повсеместно, в том числе и в областях, не затронутых варварскими вторжениями. Он был, прежде всего, результатом их собственного внутреннего развития. Уже в VI в. многие из пришедших в упадок мелких полисов утратили городское значение и

¹⁴ Liban. XLIX, 31 : ἡ πόλις δὲ εἰς κώμης σχῆμα κατέβη.

облик, муниципальное устройство, превратилось в крепости, (*ἐν φρουραῖσι μᾶλλον ἀριθμητέων ἢ πόλεσιν*—Just. Nov. XXVII, praef.), существовали как известные центры местного обмена, мало чем отличаясь от больших деревень, местных сельских рынков. Иногда они одновременно сохраняли значение центра епархии и в источниках второй половины VI в. уже нередко упоминаются в виде «Почтенный Саргис, епископ Бирты-крепости» (*Βίρτα-Καστρά*), т. е. уже крепости, а не города.

Данные о внутреннем упадке массы мелких городских центров в VI в., с нашей точки зрения, не дают, с одной стороны, достаточных оснований безоговорочно считать большинство епархиальных центров VII—VIII вв. городами, а с другой — не подтверждают выводов Е. Кирстена о том, что вплоть до конца VI в. в Византии не наблюдается никакого упадка городов.¹⁵

Нам представляется несомненным, что основная масса античных городов, рабовладельческих полисов, существовавших как таковые, угасала в IV—VI вв. по мере разложения рабовладельческих отношений и в VII в. лишь в полной мере проявились все последствия этого упадка.

Значительно более сложной нам представляется судьба более крупных городов. И в отношении них недостаточно убедительным является мнение об их подъеме, процветании до VII в. Действительно, в Византии IV—V вв. происходит подъем и рост крупных городов. Но он явно носил временный характер, был связан с ростом крупного землевладения, значения провинциальных центров, становившихся местом концентрации провинциальной знати и администрации. В них сселялись крупные местные землевладельцы, часть торгово-ремесленного населения из мелких городов. Этим поддерживалось в них развитие товарного производства. Но этот рост крупных городов происходил не на фоне подъема и процветания массы мелких городских центров, а на фоне и в значительной мере за счет их упадка.

Этот процесс отчетливо виден на примере Антиохии, Александрии, Константинополя. «Размеры города растут день за днем», — писал в середине IV в. Либаний. Но рост Антиохии, как и большинства других крупных городов, продолжался до второй половины V в. Уже в последние десятилетия этого столетия город перестал расти, многие ветшавшие и разрушавшиеся землетрясения сооружения не восстанавлива-

¹⁵ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 17.

лись или восстанавливались частично. Упадок Антиохии начался до иранских и арабских вторжений и аналогичную картину мы имеем и для других крупных городов восточных провинций, империи в целом.

Все это, с нашей точки зрения, говорит о значении внутренних причин упадка крупного византийского города в VI в.

Данные о ремесле и торговле Антиохии показывают, что даже в таком крупном торгово-ремесленном центре, как Антиохия, не было развито крупное товарное производство. В IV—V вв. в крупном ранневизантийском городе с упадком рабства и притоком торгово-ремесленного населения из угасавших мелких полисов усиливается мелкое ремесленное производство, непрерывно растет число мелких мастерских.

Для Антиохии VI в. мы уже не имеем данных о рабах-ремесленниках у представителей торгово-ремесленных кругов, Ремесленное производство приобретало мелкий индивидуальный характер¹⁶ и тем самым приближалось к средневековому. По-видимому, конкуренция мелкого ремесла не благоприятствовала развитию основанных на применении наемного труда мастерских. Богатая торгово-ростовщическая верхушка города явно предпочитала эксплуатировать массу мелких городских ремесленников, поставляя им сырье и скупая изделия, занимаясь их продажей, ссудами и т. д. Рост экономического значения богатой торгово-ростовщической верхушки в жизни крупного города стоял в прямой связи с развитием мелкого производства, обеднением массы мелких и средних рабовладельцев, ростом значения крупных потребителей — богатых землевладельцев, церкви, ростом их спроса на ценные изделия, предметы роскоши.

Если для IV—V вв. мы наблюдаем рост крупных городов, укрепление и развитие в них производства, то прекращение их роста и начало упадка со второй половины — конца V века явно связано, как видно по многим данным Антиохии, Эдессы, с начавшимся сокращением производства. Все это заставляет рассматривать отмену Анастасием хрисаргира в начале VI в. как меру, вызванную не подъемом хозяйства Византии, а вынужденную усилившимся упадком ремесла.

С упадком античного полисного муниципального землевладения, дававшего полисной организации возможности реального влияния на состояние рынка, определения положения на нем, разрушалась основа многовековой стабильности

¹⁶ К аналогичным выводам на материале византийского Египта IV—VI вв. приходит И. Ф. Фихман (Египет на рубеже двух эпох..., М., 1965).

полисного рынка. С ростом крупного независимого землевладения господствовать на нем начинают независимые от античной полисной организации силы, крупные землевладельцы и связанные с ними оптовые торговцы продуктами. С середины IV в. проблема снабжения городов становится одной из основных проблем ранневизантийского общества, решению которой византийское правительство вынуждено было со второй половины IV в. уделять все большее внимание. Рушилось характерное для античного полиса единство города и его сельской округи, господство города над деревней. С установлением господства на городском рынке крупных независимых землевладельцев, определявших цены на сельскохозяйственные продукты и фактически эксплуатировавших массу городского населения посредством высоких цен на продукты, зарождались зачатки характерного для феодализма господства деревни, феодала над городом.

* *
*

Материал Антиохии и ряда других городов дает возможность составить определенное представление об эволюции социального состава, социальной структуры городского населения в течение IV—VI вв., показывает, что за эти столетия в ней произошли существенные изменения.

Прежде всего он не дает оснований для распространенной (А. Пиганиоль и др.) переоценки степени упадка рабства в III в., представлений о том, что с IV в. рабство было в жизни общества уже не столько социальной, сколько моральной проблемой. Сравнение данных крупных восточноримских городов I—II вв. и Антиохии IV в. показывает, что процент рабского населения в городе в течение III в. существенно не сократился. В Антиохии IV в. рабы составляли от $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{4}$ ее населения, и произведения Либания (в частности, XXV речь) и Златоуста свидетельствуют о большой роли рабства в социальной жизни города. Хотя подавляющее большинство рабов концентрировалось не в сфере производства, а обслуживания, в городе IV в. еще сохранялась мощная прослойка мелких и средних рабовладельцев, что, с нашей точки зрения, во многом объясняет сохранение реальной социальной значимости античной полисной организации в этом столетии.

В то же время источники IV—VI вв. свидетельствуют о значительном падении общего производственного значения рабства, сокращении общего числа рабов и рабовладельцев.

концентрации все большей части сохраняющихся в городе рабов в домах богатейших собственников. В свете этих данных не приходится недооценивать значения материала Либания об упадке слоя мелких и средних городских рабовладельцев во второй половине IV в. Обычно считают, что сократилась только прослойка мелких и средних «муниципальных» рабовладельцев, а их упадок в известной мере компенсировался укреплением новых — чиновников, военных, клириков. Однако данные V—VI вв. показывают, что для этих столетий приходится говорить не столько о смене одной группы мелких и средних рабовладельцев города другими, сколько о значительном общем сокращении числа мелких и средних рабовладельцев в городе в течение IV—VI вв. К концу VI в. их количество в городе было уже невелико. В источниках второй половины VI в. в качестве рабовладельцев почти исключительно выступают лишь наиболее богатые собственники города (*πλοῦστοι*) — крупные землевладельцы, высшие чиновники и военные, наиболее богатые купцы (прагматовты) и высшие представители клира. Падение значения рабства подтверждается и падением интереса авторов местных источников к проблеме рабства. Если для Либания и Златоуста, второй половины — конца IV в., она еще очень остра и актуальна, как одна из наиболее злободневных проблем внутренней общественной жизни города, то авторы V в. уделяют ей все меньшее внимание, а местные источники VI в. почти не говорят о ней. Общественное внимание к ней, как видно из речей Либания, было приковано именно в связи со значением ее для массы мелких и средних городских рабовладельцев, существованием широкого слоя городских рабовладельцев, нуждавшихся в защите своих интересов.

Сокращение числа рабов в городе происходило параллельно с концентрацией сохранявшейся их части в домах богатейших собственников города, преимущественно в качестве челяди. Видимо, оба эти обстоятельства объясняют как продолжающееся падение значения античной полисной организации в V—VI вв., так и роли рабов в классовой борьбе, в народных движениях в городе. С одной стороны — усиление частной власти крупных собственников облегчало им удержание в подчинении своих рабов, с другой — превращение все большей их части в челядь магнатов делало их орудием последних, в чем мы согласны с М. Я. Сюзюмовым. Видимо, этим следует объяснять сокращение упоминаний о выступлениях рабов, их участия в народных движениях в городе. В

V—VI вв., они уже бесспорно не выступают как самостоятельная сила в социальной жизни города.

Развитие социальных отношений в городе в IV—VI вв., отношений в среде его свободного населения невозможно рассматривать и оценивать без учета этой эволюции рабства. С упадком значения рабства в социальной жизни города возрастало значение его свободного населения. Поэтому для этого периода приобретает особенно большое значение изучение эволюции социальной структуры *ordo plebeius*. По этому вопросу как в советской, так и в зарубежной литературе нет единства мнений. Это определяет и различия в оценке характера городских движений, классово-борьбы в городе, и, соответственно, и внимание к этому вопросу в нашей работе.

Наличие широкого слоя мелких и средних рабовладельцев, большое числа рабов в городе делало необходимым поддержание известного единства свободных граждан города, поддержание городской гражданской общины неимущих граждан, античного люмпенпролетариата. С упадком значения рабского труда во всех сферах городской жизни возрастало значение его свободного трудового населения. При всем том, что на Востоке свободная городская беднота всегда частично существовала приработком, заинтересованность городской рабовладельческой общины, подачки беднейшим согражданам позволяли довольно значительной их части вести полупаразитическое существование.

Данные Антиохии показывают, что античный люмпенпролетариат, как сложившаяся социальная прослойка рабовладельческого общества, в том виде, в каком он существовал на Востоке в IV—VI вв., интенсивно разлагался. Число люмпенпролетариев античного типа, по данным Либания, уже во второй половине IV в. было невелико даже для огромной Антиохии. Большая часть его все более приобщалась к труду, превращалась в трудовые низы города, пополняла число мелких свободных тружеников, мелких ремесленников. Меньшая — также утрачивала облик прежнего античного люмпенпролетариата, превращаясь в существовавших только за счет частных подачек клиентов магнатов.

При этом нельзя не обратить внимания на то, что новые формы благотворительности, которые получают с IV в. распространение в городе, имели мало общего со старыми, античными. Старые формы поддержания беднейших граждан городской общиной отмирали. Городские раздачки и подачки бедноте в основном прекратились в III в. и не были заменены

государственными. Церковная благотворительность строилась на совершенно иной основе: она уже не была привилегией граждан города и распространялась на нетрудоспособных, а не на здоровых, не желающих трудиться людей, и проповеди Иоанна Златоуста показывают это предельно отчетливо. Античный люмпенпролетариат исчезал. Частично за счет него возрастало свободное трудовое население города.

Конечно, положение последнего было неустойчиво, но развитие в IV—V вв. шло по линии приобщения все большей части люмпенпролетариата к труду, превращения его в трудовые низы города, а не превращения ремесленников в люмпенпролетариев. Изучение материалов законодательства и авторов показывают, что под терминами *δημιος*, *plebs*, *ὄχλος* в IV—VI вв. все более отчетливо подразумевалось производительное, трудовое население города, а не люмпенпролетариат. Уже по Златоусту, *πτωχοί*, *πτωχότεροι* — прежде всего ремесленники и мелкие торговцы, масса трудового населения города, а не неимущие, люмпенпролетарии.¹⁷ Употребление применительно к ним этих терминов в большей мере свидетельствует о их бедности, обеднении массы имущих плебеев, чем о принадлежности их к люмпенам.

Масса мелких ремесленников и свободных тружеников города в течение IV в. интенсивно пополнялась и за счет бедневших и разорвавшихся мелких рабовладельцев. В целом для IV—V вв. мы можем говорить о весьма существенном изменении социальной структуры *ordo plebeius*, о сокращении люмпенпролетарской и полуюмпенпролетарской его части и некогда мощной прослойки имущих плебеев, мелких рабовладельцев — земельных собственников и ремесленников. За счет них росла, становилась доминирующей в городе масса мелких свободных тружеников. Антихийский материал говорит о явном ее росте и не дает оснований переоценивать значения в составе городского *ordo plebeius* как люмпенпролетарских элементов, так и мелких рабовладельцев, к чему склоняется М. Я. Сюзюмов. Число рабовладельцев среди антихийских мелких ремесленников и торговцев уже в конце IV в. было явно невелико. Абсолютное большинство антихийских ремесленников, даже ювелиров, не имело рабов (см., например, Liban., XXV, 36; MPG, 47, 332).

С ростом экономического значения свободного трудового населения следует в известной мере связывать введение

¹⁷ Для авторов VI в. «народ» крупного города — ремесленники (см., например, Evagr., H. E. VI, 7; Procop. Bell. Goth., I, 25, 11).

в IV в. хрисаргира и его распространение на все виды неземледельческих занятий.

Анализ положения *ordo plebeius* в городе показывает, что абсолютное большинство его в IV в. уже не только ничего не получало от города, с лихвой оплачивая своим трудом и взносами те городские блага, которыми оно пользовалось, но и все более активно обиралось муниципальной аристократией, пытавшейся, например, в Антиохии за счет поборов с беднейших ремесленников поддерживать зрелища и люмпенпролетариат, городской плебс (Liban., XXVI, 23). Они должны были расплачиваться за сохранение рабовладельческих порядков, сохранение привилегированного положения рабовладельцев.

В социальных отношениях в ранневизантийском городе трудно усмотреть отсутствие «подлинно социальных противоречий» «социальную гармонию», которую пытаются увидеть некоторые исследователи.¹⁸ Противоречия между массой свободного населения и рабовладельческим строем, рабовладельческим государством возрастали, ибо существующие социальные условия не благоприятствовали поддержанию и укреплению их положения мелких производителей, свободных тружеников, как показывают данные авторов.

Начавшийся с конца V в. упадок производства и в крупных городах привел к ухудшению их положения, разорению, люмпенпролетаризации. Однако это уже не был прежний античный люмпенпролетариат, и народные движения в городе VI в. были борьбой массы разорявшихся мелких ремесленников против порядков, приводивших к упадку мелкое производство.

Анализ эволюции социальной структуры плебейского населения не позволяет нам согласиться с теми зарубежными и советскими исследователями (Е. М. Штаерман, М. Я. Сюзюмов), которые рассматривают народные движения в ранневизантийском городе как преимущественно люмпенпролетарские по своему характеру. Изучение народных выступлений в Антиохии, наиболее детально освещенных источниками, также показывает, что это были выступления массы мелкого торгово-ремесленного населения.

С изменением социального состава *ordo plebeius* менялся характер и направленность его выступлений. Превращение

¹⁸ См., например, P. Petit. *Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle après J. C.* Paris, 1955, pp. 233—245; Jean. Gagé. *Les classes sociales dans l'empire Romain*, Paris, 1964, p. 28.

основной массы его в мелкое трудовое население, жившее ежедневным заработком и трудом, ежедневной покупкой продуктов на рынке, все более обиравшееся землевладельцами через цены на продукты, естественно не могло не приводить к росту голодных волнений, выступлений против дороговизны и спекуляций продовольствием. И в Антиохии середины — второй половины IV в., как показывает анализ соответствующих конфликтов, голодные волнения были не выступлениями люмпенпролетариев, требовавших раздач и дешевых цен, а массы трудового населения, ремесленников против явных спекуляций, неприятия властями необходимых мер по подвозу продовольствия. Это была борьба торгово-ремесленного населения против ограбления их землевладельцами, попыток за его счет компенсировать падение доходов от рабовладельческого хозяйства. В принципе она приобретала классовый, антирабовладельческий характер, была борьбой массы мелких ремесленников и торговцев-нерабовладельцев за сохранение и укрепление мелкого производства, которое должно было стать господствующим в феодальном городе. Все это заставляет несколько иначе смотреть на характер голодных волнений в ранневизантийском городе IV—VI вв., видеть в них одну из важнейших, в силу установившегося господства мелкого производства, форм борьбы производительного городского населения за свое существование.

С ростом значения мелкого производительного населения и производства государственный налог — хрисаргир — становился основным бременем, ложившимся на массу городского населения. Данные Антиохии второй половины IV в. показывают его едва ли не определяющее влияние на положение большинства торгово-ремесленного населения (Liban., XXII, 38; XLVI, 22; XXXVIII, 14, 39; XXXII, 33). Поэтому не удивительно, что антиналоговые выступления с конца IV в., как показывает в частности изучение антиохийского восстания 387 г., становятся важнейшей формой социальной, классово-вой борьбы в городе.

Падение значения рабства и рост экономического значения мелкого свободного трудового населения, усиление его эксплуатации меняли социальные отношения в ранневизантийском городе. В свете этого встает вопрос о роли коллегий. В III — первой половине IV вв., как показывает материал Либания, в защите интересов рядовых граждан города еще играла известную роль античная полисная организация. В условиях ее упадка и роста значения мелкого торгово-ре-

месленного населения создавались более благоприятные условия для развития и укрепления профессиональных объединений торгово-ремесленного населения, корпораций. Введение хрисаргира повысило заинтересованность государства в большей организованности торгово-ремесленного населения для обеспечения поступления подати и поборов.

Как организованные корпорации антиохийские корпорации складываются во второй половине IV в. Их формирование приводило к росту корпоративной сплоченности. Как показывает деятельность антиохийских хлебопеков, она позволила корпорациям более энергично и более успешно защищать свои интересы, интересы торгово-ремесленного населения (Liban., Orat. XXIX; 1, 206—209, 226, 230 и др. См. С. J. IV, 59, 2; VIII, 10, 12 и др.).

Все это позволяет поставить вопрос о вероятной связи развития и укрепления корпораций, их роли и участия в общественной жизни города, политической борьбе, с формированием партий цирка в конце IV — начале V вв. Не было ли формирование партий прасинов в каждом городе связано с определенной консолидацией общественно-политической активности ведущих корпораций города?

В IV в. античная полисная организация уже не защищала интересы рядовых граждан города (Liban., Orat., XXXV, 7), она окончательно превратилась в орудие поддержания падающего благополучия возглавлявшей ее муниципальной аристократии за счет подвластного ей населения города. Поэтому характерной чертой развития социальной жизни города в IV в. является рост противоречий между куриалами и основной массой свободного населения города (Liban., XLVIII, 18; XLV, 4, 39; XXIII, 16).

Естественно, что в условиях, когда все возрастающая часть свободного населения города все меньше могла рассчитывать на защиту своих интересов античной полисной организацией, она была вынуждена искать иные формы их защиты. Все это вело к укреплению корпораций в IV—V вв.

В 399 г. правительство передает им сбор хрисаргира, что свидетельствует и об их внутреннем организационном укреплении. Законодательство уделяет им большое внимание в V в., ограничивая тенденции к установлению монопольных цен. Их права, коллективные имущества — все это свидетельствует о росте самостоятельности и общественного значения корпораций в жизни города. В VII в. их представители сопровождали императоров. С падением социально-эко-

номического значения полисной организации усиливалось разделение интересов городского землевладельческого и торгово-ремесленного населения (что, в частности, отразилось во все более явном делении в источниках жителей города на *κτίτορες* и *οἰκέτορες*), расширялась социальная основа для образования византийских партий цирка.

Укрепление мелкого производства укрепило основы партий. Однако в течение V в. идет интенсивный процесс укрепления положения богатой торгово-ростовщической верхушки, узкого круга богатых корпораций, рост зависимости от нее мелкого торгово-ремесленного населения. Начавшийся со второй половины V в. упадок ремесленного производства поставил в зависимость от торгово-ростовщической верхушки и богатых землевладельцев города массу городского свободного населения. Это привело к обострению социальных противоречий в городе в VI в., рост которых не могла приостановить отмена хрисаргира. Изучение городских движений в Антиохии VI в. свидетельствует о том, что быстро возрастающая масса беднейшего мелкого торгово-ремесленного населения крупных городов все более решительно выступала против сужавшейся богатой городской верхушки.

Одним из важнейших процессов эволюции социальной структуры городского населения было разложение в IV—VI вв. сословия куриалов, муниципальной аристократии, *splendidissimo ordo* — второго сословия империи. Хотя кризис III в. и подорвал благополучие муниципальной аристократии, она до IV в. выступает как достаточно крепкая, сильная и единая в своих интересах прослойка античного рабовладельческого общества, насчитывавшая в каждом из городов до 600 семей.

В течение IV в. постепенно исчезает составлявшая прочную основу сословия и единства его интересов мощная прослойка куриалов среднего достатка. Со времени Диоклетиана, к 381 г. число антиохийских куриалов сократилось с 600 до 60, т. е. в 10 раз. Аналогичную картину рисуют произведения Либания для всех городов империи. Одни из куриалов беднеют, разоряются и сближаются с плебеями, другие укрепляют свое положение, сближаются с крупными собственниками (*potentes*), образуя особую привилегированную прослойку куриалов — *principales*, которая все более отчетливо выступает в жизни города и законодательных памятниках со второй половины IV в. Укрепление ее значения за счет упадка сословия в целом, остальных куриалов

продолжается до середины — второй половины V в. К концу V в. — началу VI в. она все более сближается социально и сливается с *potentes* и *honorati* и постепенно исчезает как определенная социальная группа, куриальная элита, как со страниц местных источников, так и из законодательства. В VI в. в местных источниках уже почти не упоминаются ни куриалы, ни *principales*, а в VII в. — это уже не прослойка, а лишь отдельные сохранившиеся в городе представители сословия, как, в частности, показывают данные папирусов VI—VII вв.

Все это позволяет говорить о разложении в византийском городе IV—VI вв. одной из важнейших социальных прослоек античного рабовладельческого общества — античной муниципальной аристократии, позднеимперского сословия куриалов. К концу VI — началу VII вв. она окончательно утрачивает характер определенной социальной прослойки городского населения.

В конце III — начале IV вв. еще достаточно мощная муниципальная аристократия, составлявшая основу городской верхушки, еще господствовала в социальной жизни города, фактически включала в себя жречество, сенаторскую и чиновную знать, не составлявших особого социального слоя в городе.

Однако в течение IV в. они превратились в социальную группу, способную соперничать с муниципальной аристократией, а затем и в ведущую часть городской верхушки. Материал Антиохии показывает, как в IV в. возрастало ее значение в городе, как она укрепляла свои позиции, используя противоречия между муниципальной аристократией и народом. Эта новая городская земельная знать, независимые от города земельные собственники, росла и усиливалась за счет муниципального землевладения.

Не удивительно поэтому, что в источниках второй половины IV в., как *honorati* — крупные чиновники — граждане города, так и местные независимые землевладельцы — *potentes* уже выступают как особая и влиятельная социальная группа, как неотъемлемая составная часть городской верхушки, наряду с куриалами.

К середине V в. различия между *honorati* — служилой знатью и *potentes* стираются. Первые становятся богатыми местными землевладельцами, вторые приобщаются к государственной службе. Складывается единый слой служилой аристократии, объединенной в сенаторском сословии, соче-

тавшем доходы как от землевладения, так и от государственной службы, связанной как с государством, так и с местными интересами. Этот единый слой местных землевладельцев становится в V в. господствующим в социально-политической жизни города.

Таким образом, городская землевладельческая знать V—VI вв. лишь частично рекрутировавшаяся за счет верхушки куриалов, с нашей точки зрения, была новым социальным образованием, весьма отличным от старой сенаторской и муниципальной аристократии.

Новое, значительно расширившееся в IV в. сенаторское сословие, служилоземлевладельческая знать империи, поглотила в конце IV — начале V вв. и постепенно переваривала в своих недрах остатки старой сенаторской и верхушку муниципальной аристократии, формируя новые прослойки, группы землевладельческой служилой знати, объединенной в сенаторском сословии.

Именно несвязанность новой служилой знати IV в. со старыми полисными традициями, античным полисом позволила ей, пока она пользовалась административной властью, энергично овладеть куриальными и городскими имуществами.

Еще в первой половине V в., когда завершался этот процесс, эта знать крепко держалась за государственную службу. По мере того, как они становились богатыми местными землевладельцами, их интерес к служебной карьере падал. Не случайно правительство разрешило с 440 г. сенаторам низших разрядов — *clarissimi* и *spectabiles*, т. е. большинству господствующего сословия Византии, жить за пределами столицы. Эволюция разрядов сенаторов, их положения, прав и занятий во второй половине V—VI вв. говорит о развитии двух тенденций — превращении части знати в местную, а высшей — наиболее крупной (иллюстри) — в столичную, имперскую знать.

Античная знать была городской и базировалась на сословии куриалов. Самые богатые землевладельцы в той или иной мере подключались к курии. Провинциальные собрания существовали лишь как представительство городов. Особой, не городской, провинциальной знати не было. Превращение представителей служилой знати IV в., разгромившей муниципальное землевладение, в местных самостоятельных богатых землевладельцев, связанное с этим усиление их местных землевладельческих интересов, постепенный отход от посто-

янной государственной службы и перемещение в провинции, как нам представляется, — все это было началом формирования провинциальной земледельческой знати как особой социальной прослойки. Это были независимые провинциальные землевладельцы, достаточно независимые как от города, так и от государственной службы. Формирование этого нового слоя нашло свое отражение в терминологии. Законодательство показывает, что в V в. возрастает значение в городской жизни *possessores*, которые упоминаются теперь наряду с куриалами. Как показал А. Пиганиоль, это не мелкие городские землевладельцы, как считали раньше, а крупные местные земельные собственники-сенаторы — *clarissimi*.¹⁹ Греческим эквивалентом можно считать термин *κτήτωρ*, также получающий в V в. широкое распространение в источниках и обозначающий богатых местных землевладельцев, которые играли возрастающую роль в местной жизни.

Так формировалась византийская провинциальная знать, которая социально чувствовала себя независимой от городской общины, самостоятельной — откуда основные черты ее характеристики у современных авторов по сравнению со старой муниципальной и senatorской аристократией — «индивидуализм» и «эгоизм», обладание индивидуальной социальной мощью (*δύναμις*) — весьма широкое понятие, которое включало как индивидуальное материальное могущество, материальную силу, так и социальный вес и политическое влияние, откуда в социально-политическом аспекте распространение термина *δυνατός, δυνατής*, начиная с авторов IV в. до новелл Юстиниана и его преемников включительно.

Складывалась византийская провинциальная знать, образование которой подготавливало, расчищало путь для зарождения византийской провинциальной феодальной знати. Она была ее предвестником, предшественником и прообразом.

Собственно говоря, в какой мере мы можем считать эту, живущую в городе и господствующую в его жизни уже со второй половины — конца V в. местную знать «городской»? Это была именно провинциальная знать, еще живущая в городе, господствующая над городом и в провинции и представленная в провинциальном собрании уже не как представители городов, а только как крупные местные землевладельцы, зарождения того господства деревни, феодала над

¹⁹ A. Piganiol, *L'Empire chrétien (325—395)*. . . Paris, 1947, p. 118.

городом, которое было характерным для раннего феодализма. Это господство местного независимого крупного землевладельца над городом возникало в этот период.

Старая античная городская знать умирала, а новая провинциальная знать, связанная уже больше с местными провинциальными интересами, нежели с городскими, стремилась укрепить свое влияние и власть не столько в городе, сколько на местах. Отсюда ее тяга не столько к участию в городском самоуправлении, сколько к овладению властью в местном управлении. В V—VI вв. она постепенно овладевает местным провинциальным аппаратом и объединяется вокруг местной церкви, что создает основу для сепаратистских движений, ослабления силы центральной власти.

В VI в. прослойка знати, наиболее тесно связанная с правительством, имперской знати, все более сужается, как это видно по эволюции разряда иллюстриев.

Весьма вероятно, что к середине VII в. в провинциях уже существовал мощный слой крупных местных землевладельцев, не связанных с государственной, в том числе и провинциальной службой. Обращает на себя внимание расплывчатость терминологии, употребляемой источниками для обозначения знати. О ней говорится как о «могущественной», «влиятельной», но почти отсутствуют упоминания об официальных титулах и служебном положении, столь характерные еще для VI в. В то же время, если в VI в. эта знать еще была в значительной мере «городской», т. е. живущей преимущественно в городе, то во второй половине VI в. ее разделение на «городскую» и «не городскую», по-видимому, усиливается. В источниках все чаще упоминается как о все более разделяющихся группах, с одной стороны, о крупных сельских собственниках *κτήτορες τῶ χωρίου, οἱ ἐν τῇ χωρᾷ προτερόντες* и, с другой — о городских — *κτήτορες τῆς πόλεως, nobiles civitatum*. Таким образом, часть знати, по-видимому, все более превращалась в сельскую, провинциальную, предшественника провинциальных феодалов, а другая — оформлялась в византийскую городскую знать, живущих в городе землевладельцев, более тесно связанных с городом, государственной службой.

Старая античная городская знать, являвшаяся ведущей социальной силой, как и остальные типично античные социальные слои в рабовладельческом городе, окончательно сошла со сцены, уступив место переходным социальным группам и прослойкам господствующего класса.

Таким образом, старые античные классы и сословия античного полиса, еще достаточно мощные в IV в., к VII в. разлагаются, сходят с исторической сцены и утрачивают свое значение в жизни города.

* *
*

Политическая жизнь ранневизантийского города изучалась преимущественно на фоне широких общеимперских политических отношений, в связи с важнейшими общеимперскими политическими событиями, политикой императоров. Между тем, не меньшее значение для понимания сущности изменений в политической жизни города имеет изучение эволюции последней в связи с внутренним развитием города, социально-политических отношений в нем.

Эта задача является тем более важной, что в последние десятилетия в западной историографии вновь усилились тенденции к переоценке самостоятельности политических отношений, деятельности императоров, их политики. Естественно, что тезис об экономическом благополучии и слабости классовых, социальных противоречий требует соответствующего объяснения усиления политической борьбы в городе, нарастания религиозно-политических противоречий в ранневизантийском городе IV—VI вв. Поэтому, не удивительно, что в западной историографии заметна тенденция к переоценке «национального» характера общественных движений и самостоятельного значения религиозных противоречий, стремление ростом религиозно-национальной розни объяснить усиление политической борьбы в городе и даже экономический упадок Византии в VI в.

Все это вынуждает нас обратить самое пристальное внимание на связь развития общественно-политических отношений в городе, религиозно-политической борьбы с эволюцией общественных отношений в городе.

Анализ политических отношений в городе IV в. показывает, что для первой половины и середины этого столетия еще не приходится недооценивать политического значения античной полисной организации, ее организующей роли в политической жизни города. Наличие еще очень значительного слоя мелких и средних муниципальных рабовладельцев, достаточно мощной муниципальной аристократии, довольно многочисленной прослойки благополучных рядовых граждан города, остатков полисной благотворительности, — все это

сплачивало вокруг античной полисной организации в первой половине IV в. еще очень значительную часть городского населения, определяло ее едва ли не ведущую роль в политической жизни города до середины IV в.

Политика государства в отношении античной полисной организации не была прямолинейной и единой. Ее развитие определялось борьбой основных социальных сил — старой сенаторской и муниципальной аристократии, новой военнотрудовой знати, к которым на востоке добавлялась роль многочисленного торгово-ремесленного населения. Нарастание политической борьбы в ранневизантийском городе IV—VI вв. — одна из характернейших черт его развития.

Материал Антиохии, политическая и духовная жизнь которой освещена источниками с наибольшей полнотой, показывает неразрывную связь религиозно-политической борьбы в городе с развитием социальных отношений, связь язычества с интересами наиболее последовательно рабовладельческих кругов, с общественными устоями античного полиса.

Наиболее четко прослеживается для IV в. связь между язычеством, поздним неоплатонизмом и политическими интересами старой сенаторской и муниципальной аристократии. По взглядам Либания видно, что язычество рассматривалось им прежде всего как один из основных общественных устоев античного полиса. Он сознательно не приемлет христианство не из консерватизма, а прежде всего политически, как религию, враждебную античной полисной идеологии, отступление от последовательно рабовладельческих идейно-политических принципов.

В IV в. приверженцами язычества выступает не только значительная часть муниципальной аристократии, языческая «интеллигенция» и жречество, но и еще довольно широкий круг мелких рабовладельцев, торговцев и ремесленников, наиболее тесно связанных своими интересами с муниципальной организацией, более зажиточная часть свободного крестьянства. Языческая оппозиция, хотя и неоформленная, имела весьма определенную и достаточно солидную социальную базу.

Можно считать, что перелом настроений этих слоев в пользу христианства произошел лишь к середине IV в., в связи с усилившимся обеднением муниципальных собственников, упадком и разложением муниципальной аристократии.

Распространение в этих кругах именно никейства не было

случайным. Никейское направление в отношениях церкви с императорской властью отстаивало принцип большей независимости церкви от светской власти, существование сильной и независимой церковной организации. Никейское течение в IV в. в плане политическом выражало известные элементы оппозиции установлению всевластия императора и чиновно-бюрократического аппарата. В переходе большинства отступавших с позиций язычества представителей старой сенаторской и муниципальной аристократии к никейству проявлялись остатки их политической оппозиционности, стремление к сохранению известной политической самостоятельности. То, что императоры, продолжавшие линию Диоклетиана — Константина, нашли в арианстве более надежную опору, чем в никействе, свидетельствует о том, что оно политически более отвечало задачам укрепления доминаты.

Можно предполагать, что политически арианство было на раннем этапе более тесно связано с интересами торгово-ремесленных кругов, торгово-ремесленной верхушки, подъемом их политической активности, с падением политического господства муниципальной аристократии в общественной жизни города. По-видимому, оно оформляло их недовольство господством муниципальной аристократии в политической жизни города. Именно поэтому они более терпимо относились к укреплению императорской власти, власти чиновно-бюрократического аппарата, ограничивавшего права муниципальной организации. Под знаменем арианства, допускавшего более действенное вмешательство государства во все сферы жизни общества, сплотились все элементы, поддерживавшие политику Константина и его продолжателей — новая военно-чиновная знать и торгово-ростовщическая верхушка.

Форсирование Констанцием политики Константина, вызванные этим экономические и политические трудности во внутренней жизни города, явились одной из причин реставрации Юлиана.

Середина IV в. была определенным кульминационным пунктом в развитии политической жизни города. Все было недовольно. Муниципальная аристократия беднела и разлагалась. Некогда достаточно мощная прослойка рядовых имущих граждан города — опора стабильности его политической жизни, быстро сокращалась. Возможности поддержания городом увеличивавшейся бедноты были подорваны конфискациями городских земельных имуществ и обеднением

куриалов. Экономическая основа стабильности полиса была подорвана и это привело к кризису. Не удивительно, что реставрация Юлиана носила не только идейно-политический, но и экономический характер. Выросший в атмосфере ощущения нарастания этого кризиса, Юлиан искал выхода из него на путях возврата назад, коренной реставрации. Отсюда — возвращение прежних земель и доходов городам, попытки укрепления мелкого городского землевладения задачей участков, восстановления экономических возможностей муниципальной аристократии, насильственный возврат в ряды сословия и его пополнение, сокращение чиновно-бюрократического аппарата и попытки укрепления политического авторитета муниципальной аристократии. Однако Юлиан не учел степени разложения ни муниципальной аристократии, ни прежнего демоса; к гражданскому достоинству и сознанию которого он апеллировал, натолкнувшись на пассивность муниципальной аристократии. Его попытки, опираясь на демос, преодолеть ее инертность и сопротивление лишь оттолкнули от него муниципальную аристократию, отнюдь не мечтавшую о возрождении прежнего положения рядовых сограждан. А последние не были заинтересованы в укреплении положения муниципальной аристократии. Чрезмерностью своих замыслов Юлиан оттолкнул от себя и городской демос, и муниципальную аристократию, богатая верхушка которой мечтала укрепить свое господство в муниципальной организации. Все это объясняет провал политики Юлиана в отношении города и смену курса его преемниками.

Большая часть мероприятий Юлиана была ликвидирована. Валент учел расслоение муниципальной аристократии, закрепив привилегированное положение ее богатой верхушки, *principales*, и рост недовольства массы городского свободного населения, создав институт дефенсоров, который должен был защищать плебейское население от притеснений как чиновного аппарата, так и муниципальной аристократии. Он еще более ограничил права античной полисной организации и укреплял власть государственного аппарата.

Постепенное слияние новой военночиновной знати с родовой аристократией в составе служилой знати, сенаторского сословия, которое быстро росло во второй половине IV в., с одной стороны, объединение ее вокруг императорской власти — с другой, — увеличивало ее влияние на последнюю. Примирение произошло на базе никейства, но ни-

кейства, примирившегося с большими правами светской власти.

Анализ внутривластных конфликтов в городе в IV в. показывает, что по мере сокращения прослойки рядовых имущих муниципальных собственников, их обеднения и усиления их ограбления муниципальной аристократией, пытавшейся таким образом поддержать свое падающее благополучие, противоречия между нею и массой населения возрастали. Это недовольство политикой муниципальной аристократии активно использовала для укрепления своих политических позиций в городе государственная администрация, крупные собственники, которым обострение противоречий внутри муниципальной организации облегчало присвоение городских и куриальных имуществ. Этим объясняется активная борьба группировок в городе. До середины — второй половины IV в. она носит преимущественно верхушечный характер.

Если в первой половине IV в. муниципальная аристократия еще вела за собой массу рядового населения города, была, по словам Либания, «душой города» (ἡ ψυχὴ τῆς πόλεως Opat. XVIII, 147; XXVIII, 23; XI, 133) и сколько-нибудь крупных выступлений против нее мы не обнаруживаем, то уже с середины IV в. все более широкая масса населения начинает выступать против муниципальной аристократии. Она способствует падению политического авторитета муниципальной аристократии, политическому упадку античной полисной организации. В 80—90 гг. IV в. он достигает своего апогея. Либаний в 381 г. писал: «Достоинство куриль всюду исчезло» (Π, 36). Они окончательно утрачивают самостоятельное значение в политической жизни города.

В связи с этим меняются характер и формы политической борьбы в городе. Если к середине — третьей четверти IV в. в городе развертывалась борьба населения в основном против муниципальной аристократии, пытавшейся за счет городского населения поддержать свое падающее благополучие, то с последней четверти IV в., в связи с упадком полисной организации и ростом значения государственного гнета, эта борьба все более явно приобретает антиправительственный и классовый характер. Это достаточно явно видно по антиохийскому восстанию 387 г., которое было первым крупным антиналоговым политическим вы-

ступлением конца IV в. Анализ событий этого восстания показывает чрезвычайный рост активности мелкого городского, трудового торгово-ремесленного населения в борьбе вокруг зрелищ, появление известных элементов его политической организации, своих «лидеров», как показал Р. Броунинг. Эти стихийно-народные движения дали толчок образованию партий, вынудили правительство заняться их оформлением.

Изучение эволюции политической жизни города этого времени, с нашей точки зрения, целиком подтверждает правильность мнения М. Я. Сюзюмова о том, что истоки образования византийских партий следует искать в эволюции социальных отношений в городе IV в. Мы считаем, что они крылись в падении значения рабства, античной полисной организации, спланировавшей основную массу свободных сограждан известным единством общеполитических интересов, росте значения свободного производительного и эксплуатируемого населения, превращавшем противоречия между свободными в основные противоречия в городе. Возникновение византийских партий цирка было по существу результатом распада сложившихся форм политической жизни античного рабовладельческого полиса, отражением определенного этапа разложения рабовладельческих отношений.

Рушатся политические устои античного полиса — основной общественно-политической единицы античного мира — городской гражданской общины рабовладельцев-землевладельцев, объединявшей свободных известным единством интересов. Считавшаяся определенным политическим целым, городская община политически распадается. С упадком муниципальной аристократии разделяется городская верхушка, рассматривавшийся до этого как единый в каждом городе демос, разделяясь на δῆμοι. Разделение городского населения на землевладельческое и торгово-ремесленное, размежевка его интересов выступает все более отчетливо, подготавливая образование партий, политически его оформивших. Борьба партий становилась основной и все более всеобъемлющей формой политической борьбы в городе по мере того, как сокращалась численность рабского и возрастало значение свободного населения. В условиях ранней Византии возникновение и борьба партий с конца IV — начала V вв. были одним из проявлений разложения рабовладельческих отношений, явлением характерным для последнего периода существования рабовладельческого общества, когда усили-

лись противоречия внутри верхушки, когда в экономической жизни города все более преобладающее значение стала приобретать эксплуатация свободного населения, антагонизм между которым и эксплуатирующими его силами, хотя может быть еще не стал окончательно основным, но постепенно им становился.

Процесс размежевания политических интересов, формирования партий в городах империи, как показывает материал Антиохии, был длительным, фактически продолжался в течение всего V в. Более или менее отчетливое размежевание политических сил в городе приходится на правление Маркиана, а завершается в конце V в., когда окончательно определяется их группировка, организационно-религиозное оформление и борьба партий становится постоянной, повседневной, организованной активной политической борьбой. Ее развитие привело к образованию в VI в. своеобразных «боевых групп» партий — стасиотов. С конца V в. партии начинают играть ведущую роль в общественно-политической жизни города, «дмократствовать» (δημοκρατεῖν), стремясь определять и нередко определяя деятельность администрации в городе.

Подъем народных движений в городе в конце IV в. и угроза возникновения политической организации его плебейского населения заставили правительство содействовать образованию партий как организаций зажиточной части городского населения, ограничить круг граждан, имевших право участия в политической жизни города (πολιτεῦσθαι). Но правительство не могло устранить от участия в борьбе партий массу свободного населения, которую к этому толкали собственные интересы. Все это обусловило своеобразие борьбы партий, — то, что она в значительной мере оформляла и классовую борьбу в городе, нарастание, наряду с усилением борьбы партий, участия в ней народных масс города.

Однако в VI в., особенно во второй его половине, все более отчетливо видно усиливающееся разделение повседневной борьбы партий, борьбы, которую со все возрастающим упорством вели зажиточные слои городского населения и которая отражала рост противоречий в господствующих слоях, нарастание «кризиса верхов» и становившихся все более массовыми и самостоятельными выступлений городского населения.

В Антиохии второй половины VI в. такие выступления происходили неоднократно, вырастали до требований «новых порядков» (νεωτέρων πραγμάτων — Evagr. H. E., V, 9.). Эти выступления были связаны с политическими отношениями в городе, дезорганизацией городского управления, хозяйничаньем в городе трех различных сил — государственной администрации, церкви и крупных землевладельцев, все более решительно уклонявшихся от выполнения каких-либо обязанностей по отношению к городу. Как показывают данные о захвате Антиохии и других городов иранцами в 540 г. и в последующие годы, упадок городской организации, характерное для этого этапа развития раздробление реальной власти в городе, все более затрудняло возможности организации их обороны. Это во многом объясняет все большую легкость захвата городов варварами в конце VI—VII вв. Город фактически был беззащитен, ибо в это время в нем не было единой организации, единой власти, которая могла бы реально организовать оборону.

Дезорганизация городского управления, хозяйничанье в городе государственной администрации, церкви, земельной знати, все менее считавшихся с нуждами массы горожан, беззащитность города — все это ухудшало положение и усиливало недовольство народных масс города. Отсюда — характерные для внутренней жизни Антиохии конца VI — начала VII вв. массовые выступления народа, ремесленников, против реального хозяина города — епископа (Evagr., H. E., V, 18; VI, 7), выступления против крупных землевладельцев города — ктиторов, их избиение (Theoph. Chron., a. m. 6101).

Борьба народных масс сыграла немалую роль в сокрушении рабовладельческих порядков в городе, утрате Византией многих городов, ускорила отмирание остатков старых форм городского управления.

С окончательным крушением рабовладельческого строя борьба партий постепенно свертывается и народные движения идут на убыль. С началом феодальной Византии политическая борьба в городе приобретает иной характер, иные формы. Борьба партий и связанные с нею народные движения в V—VII вв. имели переходный характер, их подъем был связан с разложением рабовладельческих отношений, обострением в этот период социальных, классовых противоречий в городе, а упадок — с окончательным крушением рабовладельческих порядков.

* * *
Изучение развития социальных и политических отношений в городе дает возможность объяснить эволюцию форм городского самоуправления не только политикой императоров, их стремлением поддержать его как удобный придаток чиновно-бюрократического аппарата (Дж. Бьюри, Е. Штейн, А. Пиганиоль, Е. Кирстен и др.) — тенденция еще преобладающая в современной историографии. Наиболее глубокие исследования внутренней жизни города — города Эдессы конца V — начала VI вв. Н. В. Пигулевской, городов византийской Италии VI в. З. В. Удальцовой — свидетельствуют о неразрывной связи городского строя с социальными отношениями в городе.²⁰

Значение античной полисной организации, живучесть ее институтов основывалась прежде всего на ее реальной социальной значимости, тех реальных возможностях, которыми она располагала. Поэтому не приходится переоценивать факты подавления и ограничения ее политической самостоятельности, в том числе контроля и вмешательства в ее деятельность государства в I—III вв. Античная полисная организация была сильна, пока ее поддерживала значительная часть имущих граждан, пока она располагала собственными материальными ресурсами. И в связи с этим не приходится недооценивать того факта, что до начала IV в. городская община, античная полисная организация сохраняла свои основные собственные источники поступлений. Лишь в первой половине IV в. конфискациями основных городских имуществ и доходов были подорваны основы экономической самостоятельности полиса, как и ростом независимого землевладения. Обычно этому факту не придают особого значения, прежде всего в связи с тем, что затем значительная часть прежних доходов городских общин была возвращена им государством. Но при этом не обращают внимания на то, что это возвращение было произведено на принципиально иной основе. Изучая муниципальную организацию Антиохии второй половины IV в., П. Пети обратил внимание на существование двух городских «касс» — собственной городской, находившейся в ведении полисной организации, и государственной городской, находившейся в ведении чиновной адми-

²⁰ Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. ..., М.—Л., 1940; З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959.

нистрации.²¹ Изучение вопроса о них показывает, что возвращенные городам имущества и доходы были возвращены не полисной организации, а составили особый фонд, поступления с которого шли в городскую государственную кассу, находившуюся в распоряжении государственной администрации, и выдавались на городские нужды по ее усмотрению. Таким образом, принципиальное отличие от прежнего положения заключалось в том, что к концу IV в. большая часть средств города оказалась в руках государственной администрации. Из собственника источников своих коллективных доходов — основы известной самостоятельности античной полисной организации, городская община превратилась в получателя части государственных доходов, а города — в «пенсионеров» государства, — процесс, по-видимому, характерный для всех районов, где города продолжали сохранять свое значение в эпоху перехода от рабовладения к феодализму, как показала Н. В. Пигулевская на примере «царских городов» Ирана. Ранневизантийский город развивался в этом же направлении, переставая быть античным полисом.

Античная полисная организация осталась распорядителем лишь «частных» доходов города, взносов муниципальных землевладельцев. С их обеднением значение собственной муниципальной кассы падало, а значение государственной возрастало. Поэтому города все больше зависели от государственной части своих доходов. Это объясняет и свободу использования государством городских средств на другие государственные нужды, в частности Юстинианом, возможность использования их на нужды более крупных городов, в то время как лишенная доходов масса мелких городов хирела и приходила в упадок (Procop. Hist. arcana, XXI, 4).

Все это также объясняет возрастающую реальную роль государственной администрации и падение самостоятельного значения античной полисной организации, которая, по мере того, как сокращались ее собственные расходы на нужды города, превращалась лишь в исполнительный аппарат, объясняет переход многих прежних функций античной полисной организации, поскольку она оказывалась не в состоянии их осуществлять, к государственной администрации. С обеднением античной полисной организации многие из ее прежних функций, в поддержании которых не было заинтересовано государство, свертываются и отмирают, дру-

²¹ P. Petit. Libanius., p. 95—104.

гие (например, поддержание бедноты) становятся частной функцией независимой от античной полисной организации — церкви, третьи — комбинированной сферой деятельности, в которой роль античной полисной организации падала. Это ясно видно на примере организации зрелищ, во главе которой в Антиохии в середине V века официально становятся правители, оформляется специальная зрелищная касса, в которую идут доходы с предназначенных для их финансирования имуществ, частные взносы, взносы корпораций — средства, распоряжение которыми все больше переходит к специальной организации, партиям. Роль античной полисной организации, как главного организатора зрелищ, соответствующих ее представителей, ответственных за организацию зрелищ, постепенно сходила на нет. Так, в течение V века отмерли многие основные функции античной полисной организации, ее институты. Она утрачивала реальное значение в жизни города.

В то же время формировались элементы нового самоуправления из реально заинтересованных в поддержании тех или иных видов городской деятельности сил — крупных собственников и церкви. Постепенно они становятся во главе городского самоуправления, а угасавшая античная полисная организация, возглавлявшая ее курия, из главного организатора жизни городской общины, каким она была еще в VI в., превращается в подчиненный ему исполнительный орган. При Анастасии собрание богатейших собственников города (*οἱ ἐν τοῖς κτήτοσι πλοῦστοι*), епископа, наиболее влиятельных клириков — CJ. I, 4, 17 (491—505); CJ. X, 27, 3) окончательно становится во главе городского самоуправления.²² Это самоуправление, с нашей точки зрения, весьма существенно отличалось от старого, античного, и имело переходный, промежуточный характер. Его возглавляли крупные независимые собственники и церковь в той мере, в какой они были заинтересованы во влиянии на городские дела. Это во многом объясняет ограниченность их участия, переход многих прежних функций античной полисной организации к государственной администрации и к церкви, — сбора податей и поборов, административно-полицейских функций. В IV в. многие прежде постоянные функции городской организации становятся временными, как показывает распространение института *диойкетов*. Падение интереса знати, *nobiles civi-*

²² A. H. M. Jones. The Cities of the Roman Empire. Recueils de la Société Jean Bodin, VI. La ville. Bruxelles, 1954, p. 155.

tatum, к городскому самоуправлению приводило его к прогрессирующему упадку, чем и были вызваны попытки Юстиниана сдержать его, попытки оживления курий. Однако они не смогли остановить неизбежных процессов. Функции городского самоуправления к концу VI — началу VII вв., как показывает материал Антиохии, становятся все более неопределенными, концентрируются в руках епископа и нескольких наиболее богатых городских собственников, а главным образом переходят к государственной администрации. Городские собрания знати фактически перестают функционировать к началу VII в. в большинстве городов. Епископ, церковь становятся единственным представителем городской общины, а все управление переходит к государственной администрации, которая в случае необходимости собирает знать и граждан, организует жизнь города.

Старые формы античного городского самоуправления окончательно разложились к VII в., вместе с упадком античного полиса, а возникшие в процессе их распада новые — имели переходный характер, подготавливали полное исчезновение самоуправления.

* *
*

Рассмотренный в диссертации материал позволяет прийти к следующим основным выводам.

Ранневизантийский город IV—VI вв. не был неизменным, застойным рабовладельческим городом, как это долгое время было принято считать. Так же, как и в аграрных отношениях в деревне, в городе в IV—VI вв. происходили глубокие внутренние изменения.

В течение этих столетий ранневизантийский город разлагается как античный рабовладельческий полис, в связи с чем приходит в упадок большинство мелких античных городов — полисов. К концу VI — началу VII вв. по мере разложения рабовладельческих отношений исчезает или утрачивает известное городское значение основная масса мелких античных полисов. Судя по значению полиса в жизни рабовладельческого общества, этот процесс знаменовал собой окончательный упадок, крушение господства рабовладельческих отношений.

Изучение внутреннего развития мелких ранневизантийских полисов показывает, что их упадок и исчезновение было неизбежным результатом разложения рабовладельческих

отношений. Поэтому у нас нет оснований переоценивать значение внешних вторжений, влияния религиозно-этнических противоречий, обострение которых имело социальные причины, было стимулировано упадком рабовладельческого общества.

По-видимому, разложение рабовладельческих отношений неизбежно сопровождалось большим или меньшим упадком товарного производства в целом, падением значения массы мелких полисов как центров производства и обмена их сельской округи, некоторым укреплением местного, сельского деревенского и поместного ремесленного производства, местного обмена.

Происходивший в IV—V вв. подъем крупных городов не был результатом общего подъема экономики и товарного производства в Византии этого времени. Он был связан с его постепенным свертыванием, упадком, носил временный характер. Рост крупных центров происходил в связи с упадком массы мелких полисов, концентрацией в крупных городах товарного производства, знати, администрации. Поэтому естественным результатом дальнейшей эволюции явился начавшийся с конца V в. постепенный упадок и крупных центров. В той мере, в какой он определялся внутренними экономическими причинами, он усиливался в VI в. и приостановить его мог лишь переход к более прогрессивным общественным отношениям.

Изучение эволюции социальных отношений в городе показывает, что образование в Византии в конце IV — начале V вв. партий и столь характерный для нее расцвет их борьбы в крупных городах в V—VI вв. был неразрывно связан с разложением рабовладельческих отношений, упадком рабства, с тем, что основным производительным и эксплуатируемым населением города стали свободные. Перерастание противоречий между свободными в главные социальные противоречия в городе и привело к перерастанию временных группировок в партии, образованию партий. Обострение противоречий между свободными вело к усилению борьбы партий, в форме которой проявлялись как растущие противоречия внутри господствующей верхушки, так и нарастание недовольства народных масс города, которое в VI в. и принимает все более массовый и самостоятельный характер.

Процессы, протекавшие в ранневизантийском городе IV—VI вв., показывают, что в обстановке острой социальной внутренней борьбы он активно разлагался как рабовладель-

ческий город, что, видимо, и явилось одной из причин сохранения византийского государства в период крушения рабовладельческого строя, а народные движения в городе сыграли немалую позитивную роль в развитии этих процессов.

По теме настоящей диссертации ее автором опубликованы следующие работы:

1. Положение народных масс в Антиохии в IV в. (Византийский Временник, том VIII, 1956 г. стр. 42—60).

2. Восстание Прокопия (365—366 гг.) (Византийский Временник, том XIV, 1958 г., стр. 3—26).

3. Классовая сущность учения Иоанна Златоуста. (Ежегодник Музея истории религии и атеизма, П. М.—Л., 1958 г. стр. 80—106.).

4. Некоторые проблемы разложения античного полисного строя в восточных провинциях Римской империи IV в. (Вестник ЛГУ, 6 2, 1960 г., стр. 47—61).

5. Термин «*δημος*» в произведениях Либания и вопрос о происхождении византийских димов. (Труды XXV Международного конгресса востоковедов, том I, М., 1962, стр. 504—511).

6. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия. (Византийские очерки. М., 1961, стр. 64—91).

7. К вопросу о «*богохульствующих*» и восстании 387 г. в Антиохии (Древний Мир. Сб. в честь акад. В. В. Струве. М., 1962, стр. 572—578).

8. Ранневизантийский город. (Антиохия в IV в.) Изд-во ЛГУ, Л., 1962, 285 стр.

9. Рабы, рабство и проблема рабства в произведениях Либания. (ВДИ, № 2, 1964, г., стр. 92—106).

10. К вопросу о корпорации хлебопеков в Антиохии IV в. (ВДИ, № 1, 1965 г. стр. 141—154).

11. Разложение рабовладельческих отношений и проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VI вв. (Вестник ЛГУ, № 14, 1965 г. вып. 3, стр. 62—72).

12. Византийский город в IV—V вв.—Глава в двухтомной «Истории Византии», издаваемой Ин-том Истории АН СССР (2 печ. листа).